

Г. Л. Тульчинский

**Современная гуманитарная парадигма:
гуманитарность против гуманизма?**

Двадцатый век расплатился по векселям века девятнадцатого и, похоже, расплатился сполна. Столетие стало эпохой, когда плоды Просвещения, великих замыслов в науке и морали, политике и экономике, стали реальностью. И эта реальность выражается и осознается как кризис: экологии, демократии, нравственности, науки, искусства и т. д. Такого острого напряжения между претензиями разума, науки, с одной стороны, и срывами общественного сознания в иррациональную стихию насилия, мистицизма, с другой, человечество, пожалуй, еще не знало.

Что такое гуманитарность сегодня? Какова система ее ориентиров? Что определяет ее содержание, направленность? Что интересует специалиста-гуманитария? Каков рейтинг базовых ценностей, определяющих эту ориентацию?

Ответ на эти вопросы чрезвычайно актуален. Прежде всего это связано с проблемой профессионального самоопределения. В чем и когда может быть востребован гуманитарий? В каких вопросах он может выступать в качестве специалиста? В чем он сам может чувствовать себя специалистом? Короче говоря, что образует профессиональную идентичность гуманитария – как внешнюю, социальную его идентификацию как специалиста-профессионала, так и внутреннюю самоидентификацию?

Ситуацию, на первый взгляд, обостряет и усугубляет опыт постмодернизма, согласно которому, люди не имеют доступа к реальности и истине, а их сознание определяется языком и, значит, теми, кто имеет власть формировать язык. К концу столетия стало очевидно, что постмодернизм – в своем постструктуралистском выражении и деконструктивистской методологии – пришел в тупик: деконструкция логоцентризма обернулась логомахией и апофеозом грамматоцентризма, самодостаточностью отсылающих друг к другу означающих; отказ от позиции и ответственности, ускользание от них привели к незыблемости мысли, ее выражения и реализации. Выявился своеобразный шок

гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией, требующей соответствующих изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Стали ясными как переходный характер деконструктивизма и постмодерна в целом, так и осознание необходимости нового сдвига гуманитарной парадигмы, который стал бы, одновременно, развитием и преодолением деконструктивизма.

Такой сдвиг должен отвечать нескольким требованиям: не отрицать, а обобщать опыт постмодерна, критики логоцентризма; быть по-настоящему междисциплинарным; давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; делать акцент не столько на структурности, сколько на динамике осмысления и порождения новых смыслов; и в этой связи – опираться на принципиальный учет роли и значения личности – главного, если не единственного источника этой динамики. В силу ограниченности своего бытия в пространстве и времени человек осмысляет действительность всегда с какой-то позиции. Поэтому смыслообразование персонологично, является результатом глубоко личного опыта, проявлением человеческой свободы и ответственности.

В истории философии уже неоднократно случались подобные периоды пробы сил разума: античная софистика, средневековая схоластика, Просвещение осуществляли активный поиск, когда парадоксы, дистинкции и прочие симулякры приобретали большую реальность, чем сама реальность. И всегда такой поиск предвещал качественный рывок, прорыв человеческого опыта к новой целостности бытия. Поэтому перспектива философии может быть связана только с поиском перспектив нового гуманизма, новой гомодицеи.

В этой связи показательна главная тенденция философствования последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии. Два основных от-

Современная гуманитарная парадигма: гуманитарность против гуманизма?

вета на вопрос о природе бытия (идеализм и реализм) на «онтологической» стадии философии, по сути дела, есть два объяснения двойственной природы человеческого бытия, делающие акцент либо на духовной, либо на телесной его стороне. «Гносеологическая» стадия, разводящая субъект и объект, делает акцент на их соотношении, с неизбежностью выводя (с осознанием проблемы трансцендентального субъекта) на первый план проблему свободы и личности. «Аксиологический» этап – от феноменологии к экзистенциализму и одновременно к герменевтике, нормативно-ценностной культурологии и постструктурализму – выражает стадии созревания уже собственно персонологической доминанты.

Классическая философия отказывается от индивидуальной подлинности и уникальности в пользу логической системы, марксист полагается на общество, реалист – на природу: все это пути ухода от пугающей свободы и ответственности. Экзистенциализм забрасывает человека в мир, лишенный смысла, мир абсурда. И тогда человек оказывается тем, что он сам делает с собою и с миром, не имея выхода из своей свободы. Кстати оказались достижения аналитической философии и философия герменевтики как непосредственных предшественников постструктуралистской стилистики в мейнстриме философствования конца столетия. Историческая роль постструктурализма, как и постмодернизма в целом, – в их амбивалентности всеразличия и POSSIBILITY, виртуальности. Нет и не может быть единой и универсальной схемы описания и объяснения, претендующей на абсолютную реальность и истинность.

Философия личности прошла сложный путь: трансцендентальный субъект (Декарт), его схематизм (Кант, Фихте), интенциональность сознания и символические формы бытия (Кассирер, Гуссерль), сознание как оплотняющий диалог с Другим, в том числе – бессознательным (М. Бубер, М. Бахтин, Э. Левина, фрейдизм), человек как совокупность общественных отношений (марксизм), как «человек и его обстоятельства» (Ортега-и-Гассет), как символическое тело (постструктурализм). К концу XX в. человек оказался перенасыщенным, перегруженным качествами. Похоже, что его надо вновь «почистить» – в плане перехо-

да от структурных описаний к выявлению механизма динамики свободы от трансцендентального к социальному.

Человек как конечное существо обречен на постижение бесконечного мира только «в каком-то смысле», с какой-то ограниченной в пространстве и времени позиции. Смысл – порождение конечной системы, пытающейся понять бесконечное. Но тогда условием осмысления является «выход в контекст» своего бытия. Этим условием оказывается свобода – не только трансцендентальный исходный импульс, но и гарант осуществления этого смысла в социальном со-бытии. XX век принес осознание того, что главное не борьба за свободу и даже не достижение свободы, а переживание свободы, способность ее вынести.

Значение постмодернизма прежде всего и именно в создании предпосылок новой постановки проблемы свободы и ответственности. Он зафиксировал момент ухода конуса свободы и ответственности за границы психосоматической целостности индивида, а деконструкционизм как деперсонологизм оказывается предпосылкой новой персонологии и метафизики нравственности. Во вновь расширяющемся в запредельное конусе свободы и ответственности их субстанция становится виртуальной, а идентификация, определение границ личности – труднодоступной здравому смыслу и обыденной практике. «Я» превращается в точку сборки, немонотонную волновую свободы и ответственности, странником в стихиях модального бытия.

Философия на пороге нового столетия и тысячелетия раскрывается преимущественно как персонология, вбирающая в себя как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику. Более того, мы становимся свидетелями следующей стадии вымывания философии в сферу конкретных практик: сначала наука, потом логика, теперь настала пора метафизики свободы – отнюдь не только абстрактных академических штудий, а существенно и непосредственно значимой для исследователей, экспертов, политиков, теории и практики менеджмента, образования, семейного воспитания, социальной помощи и реабилитации, художественного и научно-технического творчества, СМИ.

Г.Л. Тульчинский

К концу XX столетия сложились предпосылки для парадигмального сдвига, ключевыми моментами которого являются новый синтез духовного опыта; расширенные представления о рациональности; смещение акцента с описания сущего и преобразовательного активизма к осмыслению как порождению новых возможностей, сценариев реальности и поведения; динамизм – как смещение акцента со структурно-статичного на процессуальность изменения; переход к глубоким многомерным моделям; персонализм – как неизбывность личностного начала – источника, средства и результата динамики осмысления и смыслообразования. И не так уж важно, как назвать этот синтез: постчеловеческая персонология, синергетика, семиодинамика или глубокая семиотика. Имя будет найдено. Новые аттракторы уже действуют.

Проблема усугубляется спецификой гуманитарного знания. Насколько вообще совместимы понятия гуманитарности и знания? Неспроста ведь в английском языке отсутствует понятие «гуманитарные науки». Вместо него используется понятие humanities – широкая сфера проявлений человеческого духовного опыта. Результатам этой деятельности характерны уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность. В этом случае можно говорить не столько о знании и познании, сколько о смыслопорождении и осмыслении (понимании). Этой сфере с ее смысловой неоднозначностью противостоит наука, science, под которой понимается деятельность, связанная с получением знания в результате расчета и эксперимента, т. е. преимущественно, естествознание и математизированные науки.

Содержание гуманитарности выстраивается в несколько уровней:

Суть, ядро гуманитарности образует проблема свободы. Свобода внебытийна и добытийна. Однако она не столько небытие, «дыра в бытии» (Ж.-П. Сартр), сколько бытие в возможности (дьюнамис Аристотеля). Свобода – источник творения новой реальности, откровения новых миров. Единственным пока носителем свободы является человек, существо, наделенное способностью к трансцендированию в иное. Проявлением этой способности и является сознание, разум,

все то, что обычно связывается с интеллектуальной, духовной деятельностью. Не случайно по-немецки гуманитарные науки называются die Geisteswissenschaften – науки о духе.

Носителем свободы и духовного опыта сознания является не просто человек, а личность, границы которой (временные и пространственные) определяются и задаются именно границами свободы как ответственности, т. е. вменяемости.

Психосоматической основой личности до сих пор преимущественно является человек как представитель определенного биологического вида.

Формирование и развитие человеческой личности обеспечивает культура (точнее, культуры: национальные, этнические, возрастные, профессиональные и т. д.) – внегенетическая система порождения, сохранения и трансляции социального опыта. Именно освоение конкретных культур обеспечивает социализацию и индивидуализацию личности.

Социальная, политическая, экономическая, природная инфраструктура, обеспечивающая сохранение и развитие конкретных культур.

Из этой системы ценностей следуют и некоторые особенности гуманитарной парадигмы и соответствующих видов гуманитарной экспертизы.

Внешний ее слой (уровень) связан с рассмотрением **инфраструктуры** культур – среды, условий (гарантий) существования и развития конкретных культур: от кормящего ландшафта и экономики до политического менеджмента и права. При этом речь идет не только об отдельных культурах, но и условиях, и гарантиях их сосуществования.

Помимо прочего, важным аспектом являются условия существования человека как такового – биологической особи, сохранения психосоматической целостности: от общих условий жизни до медицинского обслуживания. Это рассмотрение может быть выделено в самостоятельный – **антропологический** – уровень.

Следующий уровень – **культурологический**: рассмотрение конкретных культур и субкультур, содержания их нормативно-ценностных систем, идентичности (включая глобальную), а также условий и совместного развития. Следует подчеркнуть фундаментальную, определяющую роль

Современная гуманитарная парадигма: гуманитарность против гуманизма?

культурной идентичности, консолидирующей общество по отношению к реализации природных, экономических, политических и прочих ресурсов.

Еще глубже **персонологический** подход – выявление форм, условий и гарантий формирования, развития и сосуществования личностей, в том числе – носителей различных идентичностей, их самореализации, творчества.

Наконец, самый глубокий уровень **метафизики нравственности, проявления свободы воли**. Именно он оказывается главным, стержневым, на который наслаиваются все другие. Игнорирование этого уровня обесмысливает все остальные. Более того, ограничение одним или только несколькими другими уровнями, без рассмотрения условий и гарантий реализации свободы не только несостоятельна, но и опасна.

Наиболее очевидна несостоятельность ограниченности и несостоятельность осмысления на последнем, пятом уровне. Самодостаточность чисто экономического, политического и т. д. подхода чревата серьезными, если не катастрофическими, издержками. Последние российские реформы – убедительный тому пример. Так или иначе, но использование природных, финансовых и других ресурсов не может осуществляться в ущерб другим обществам и культурам. Иначе такая деятельность не выдерживает гуманитарной экспертизы, и в этом состоит первая миссия гуманитарного знания и гуманитариев как профессиональной группы. И с этим согласятся практически все из них.

Но не менее опасно и ограничение культуральными критериями. Можно только приветствовать попытки, типа разработки «Декларации прав культуры», инициированной в середине 1990-х гг. академиком Д. С. Лихачевым. Каждый народ и каждый этнос должен иметь право на реализацию базовых ценностей культуры, с которой он себя идентифицирует, на доступ к культурно-историческому наследию. Однако, не следует и забывать, что самодостаточность отдельных культур очень часто оборачивается в лучшем случае – изоляционизмом, а чаще нетерпимостью к иным культурам и их носителям, а то и шовинизмом. И хорошо известно, что национализм чаще всего выпестовывается в среде гуманитарной интеллигенции. Поэтому

главной задачей гуманитарной экспертизы в этой связи оказывается выработка представлений о гарантиях сосуществования и развития различных культур и оценки в соответствии с этими критериями.

Особенность современной ситуации в том, что если раньше развитие культур и этносов было возможно за счет миграций целых народов, экспансии, поглощения, а то и уничтожения иных культур посредством войн, этнических чисток, геноцида и т. д., то современность поставила границы такой практике. В глобальном мире развитие культур предполагает их сосуществование, вынуждает к этому. Это принципиально иная ситуация. Малейшее проявление нетерпимости становится достоянием всей мировой общественности и осуждается ею.

Еще менее очевидна, а значит – не тривиальна и важна ограниченность самооценки человека. Человек – это не всегда хорошо и не всегда самоценно. В. Шаламов был глубоко прав, бросая упрек великой русской литературе с ее гуманистической традицией и ставя в вину гуманизму опыт кровавого тоталитаризма и насилия XX столетия. Лозунгом «Все во имя человека, все для блага человека!» могут оправдываться самые страшные злодеяния и самозванство – делание других счастливыми помимо и вопреки их воле. Собственно, именно об этом и написана Ф. М. Достоевским «Легенда о Великом Инквизиторе». За человеком – существом амбивалентным, надо видеть главное, носителем чего он довольно часто выступает, – свободу. Покушение на свободу всегда, так или иначе, оказывается покушением на бытие, ничтожит его.

Серьезной заслугой постмодернизма является демонстрация несостоятельности и тупика культуроцентризма, а также самодостаточности творчества. Разкультуривание современной культуры, перенасыщенной культурой, в которой сама культура становится предметом игрового манипулирования, развенчивает амбиции культуроцентризма. Тем самым обесмысливается и творчество. И то, и другое, ставящееся во главу угла, – обесмысливается, не находят основания в самом себе. И не найдут никогда, потому что смысл, как это очевидно ясно, задается контекстом. Но в тупик ведет и самооценочность человека. Поэтому так называемое

Г.Л. Тульчинский

«расчеловечивание» современной культуры и цивилизации, так пугающее иных записных гуманистов, в высшей степени плодотворно.

Современная хаптика, телесные практики в науке, медицине, искусстве, игра с телом в обыденном опыте открывают несущественность антропоморфности, чело-веческого. Можно сказать, что современная культура расчеловечивает – и слава Богу! Причем, в буквальном смысле. Это расчеловечивание открывает важность пост-человечности, позволяет за тремя соснами увидеть лес и путь в нем.

Не менее любопытные процессы произошли и происходят в мировой правовой культуре и практике. Еще в начале XX столетия право было озабочено соблюдением неких норм социальной жизни в экономической, политической сферах преимущественно. Нарушение прав национально-этнического плана не становилось вопросом правовой экспертизы. Например, армянский геноцид так и не стал в свое время предметом правовой оценки. Но уже Холокост расценивался Нюрнбергским процессом как преступление против человечности. В 1993 г. решением Совета Безопасности ООН был создан Гаагский трибунал по преступлениям в бывшей Югославии. В 1994 г. – трибунал по преступлениям, совершенным во время гражданской войны в Руанде. Однако деятельность этих органов сдерживалась противодействием отдельных государств, предпочитавших отдавать приоритет собственным национальным юрисдикциям.

Переломным моментом можно считать 1999 – 2001 гг., еще точнее – дело А. Пиночета, а затем и С. Милошевича. Первый был задержан в Великобритании за преступления против человечности – массовые репрессии против собственного народа за годы правления в Чили военной хунты, возглавляемой им. Второй же был предан Международному трибуналу за преступления против человечности в годы гражданской войны в распадающейся Югославии. Эти два прецедента зафиксировали гигантский сдвиг в мировой правовой системе, может быть – самый значительный за всю историю. Суть этого сдвига в том, что неотъемлемые права человека приобретают наднациональную юридическую значимость. И, значит, как следствие, любой представитель власти, какой бы высо-

кий государственный пост он ни занимал, должен нести уголовную ответственность за геноцид, за преступления против ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.

В 1998 г. было принято решение о создании Постоянного международного уголовного суда по военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноцида. Более того, международное сообщество вернулось к правовой оценке армянского геноцида начала XX в. В Польше прошла острая национальная дискуссия по оценке активного участия польского населения в уничтожении евреев на территории Польши в годы гитлеровской оккупации. Дискуссия завершилась публичным принесением Президентом Квасьневским покаяния от имени польского народа.

Речь идет именно о, похоже, необратимой динамике. От экономики, политики право в мировом масштабе шагнуло в обеспечение гарантий национально-этнической культуры. Повсеместно активизировались правозащитные движения, все более гуманными становятся законодательства и пенитенциарная система. Яркий пример тому – запреты или моратории на применение смертной казни. То есть, право закрепилось уже и на уровне гарантий существования отдельной личности. (В этой связи, стоит отметить все большее расхождение российской правовой системы с быстро меняющейся мировой правовой культурой. Например, мы все более отдаляемся от исторически неизбежной правосудной и политической оценки преступлений большевизма, сталинского режима и КПСС перед собственным народом. Общественное мнение резко негативно относится к защите прав человека, ограничению смертной казни).

Однако, похоже, назревает следующий шаг – к сердцевине гуманитарности. Речь идет отнюдь не только о гарантиях свободы вероисповедания и прочей культурной идентичности. Это гарантии предыдущих уровней. Речь идет о свободе доличностного уровня. Яркий пример – проблемы аборт и использования генной инженерии, клонирования и т. п. Все они связаны с правовой защитой еще не сформированной личности, некоей возможности личности.

Поскольку право, закон – формализованная часть нормативно-ценностного содержания культуры, нравственности,

Современная гуманитарная парадигма: гуманитарность против гуманизма?

фиксируя в «сухом остатке» закрепляемые нормы социальной жизни, то общая динамика гуманитарной культуры за последнюю сотню лет становится тем более очевидной.

Настала пора четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию. Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности. Гуманитарность же предстает персонологией свободного духа. Перспектива – постчеловеческая персонология. И если гуманитаристика – наука, то это *Geistwissenschaften*. В буквальном смысле.

Одно соображение, представляющее себя важным. Проявления духовного универсальны и едины – в силу своей постчеловечности. В этой перспективе несколько неожиданно открывается возможность гуманитарных наук. Условием *science* является единство природы, дающее основание универсальности открываемых научных законов. Возможность гуманитарного знания основана на единстве и универсальности духа.

Другое дело, что единый и универсальный дух проявляется через конкретную

личность, занимающую конкретную и уникальную позицию в мире. Но, впрочем, и в *science* единый и целостный мир открывается в каких-то приближениях, с каких-то позиций исследования, экспериментирования, средств наблюдения, измерения и т. д.

Постижение человеком мира – попытке конечного существа понять бесконечное. Поэтому оно всегда герменевтично, всегда интерпретация, всегда осуществляется с какой-то позиции, точки зрения. Гуманитарность неизбежна с точки зрения личностной, базовых ценностей какой-то культуры или субкультуры и т. д. Поэтому тем более оказывается важным согласование (гармонизация, оптимизация) различных позиций и критериев. А это, в свою очередь, возможно, только при условии признания абсолютного и внебытийного критерия – свободы и условий ее реализации.

Свобода – иррациональность ответственности в гармоничном целом мира. Источник всего разнообразия современного единого мира (единого в своем разнообразии и разнообразного в своем единстве) коренится в сердце души каждой уникальной личности. И в этих глубинах бытия нет зла.